

УДК 327.5, 327.8, 359

Губин А.В.
Gubin A.V.

Морское измерение безопасности в Северо-Восточной Азии: анalogии к столетию начала Первой мировой войны

**Maritime dimension of security in the North-East Asia:
drawing analogies to the World War I eve**

В статье описывается политика ведущих стран АТР в сфере морских вооружений в привязке к современному контексту региональной безопасности. Акцент делается на аналогии с ситуацией накануне первой мировой войны в Европе, когда морское противостояние фактически подтолкнуло Великобританию и Германию к войне.

Ключевые слова: морская безопасность, гонка вооружений, дилемма безопасности, Северо-Восточная Азия

The article describes policies of the driving actors within the Asia Pacific toward naval armament in the contemporary security context. There are focused some analogies with the eve of World War I when German-British rivalry in High Seas lead to a large-scale conflict.

Key words: maritime security, arms race, security dilemma, North East Asia

Новые линкоры

Перед началом Первой мировой войны великие державы большое внимание уделяли своим военно-морским силам, шла реализация масштабных морских программ. Поэтому, когда началась война, ведущие страны обладали многочисленными и мощными флотами, которые сыграли значительную роль в боевых действиях и предопределили как технологический путь развития, так и тактический. Особенно упорное соперничество в наращивании военно-морской мощи шло между Великобританией и Германией. Британцы в тот период обладали самыми мощными ВМС и торговым флотом, что позволяло контролировать стратегические коммуникации в Мировом океане, связывать воедино многочисленные колонии и доминионы.

В 1897 году германские ВМС значительно уступали британскому флоту. У британцев было 57 броненосцев, у немцев 14, у британцев 18 броненосных крейсеров, у немцев 4, у британцев 125 крейсеров, у немцев 32. Британцы хотели не только сохранить преимущество, но и нарастить его. В 1889 году парламент принял закон, по которому на развитие флота выделялось больше средств. В основе военно-морской политики

ГУБИН Андрей Владимирович, к.полит.н., руководитель научных программ Азиатско-Тихоокеанского регионального центра РИСИ, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** Andrey.gubin@mail.ru

Лондона лежал принцип, по которому ВМС Британии должен был превосходить два флота наиболее сильных морских держав [6, с. 741-743].

Берлин первоначально не уделял большого внимания развитию флота и захвату колоний, канцлер Бисмарк не видел в этом большого смысла, считая, что основные усилия надо направлять на европейскую политику, развитие армии. Однако при императоре Вильгельме II приоритеты были пересмотрены, Германия начинает борьбу за колонии и строительство мощного флота. В марте 1898 года рейхстаг принимает «Закон о флоте», который предусматривал резкое увеличение ВМС. В течение 6 лет (1898 – 1903 годов) планировали построить 11 эскадренных броненосцев, 5 броненосных крейсеров, 17 бронепалубных крейсеров и 63 миноносца. Кораблестроительные программы Германии в дальнейшем постоянно корректировались в сторону увеличения [13, p. 298]. При этом немалую роль в ускорении темпов строительства сыграло британское вторжение в Трансвааль, что напрямую касалось экономических интересов Берлина [19, p.148-149].

Когда в 1903 году итальянский инженер Виттори Куниберти впервые предложил концепцию нового линейного корабля на принципе all-big-gun, ведущим мировым державам понадобилось всего 3-4 года, чтобы воплотить её в металле. Идея заключалась в том, чтобы вооружить корабль орудиями только главного калибра 12 дюймов с увеличением их количества с привычных четырёх до 10-12. На предельных дистанциях стрельбы это давало колоссальное преимущество в залпе, а также упрощало управление огнём. Достоинства умножались, если корабли действовали в составе эскадры. Подобная прорывная концепция мгновенно сделала традиционные броненосцы, пусть даже и новейшие, устаревшими.

10 февраля 1906 года в Великобритании на воду был спущен первый корабль нового типа «Дредноут», имя которого стало нарицательным для всех подобных линкоров. К началу Первой мировой войны почти все ведущие мировые державы обзавелись «дредноутами» и даже «сверхдредноутами» (крупнее и с орудиями большего калибра). Так, Великобритания в 1914 году обладала 29 линейными кораблями и линейными крейсерами на принципе all-big-gun; Германия – 19, Италия – четырём, Франция и Австро-Венгрия – тремя каждая. Россия уже в ходе войны ввела в строй семь линейных кораблей. США вступили в Первую мировую войну с 11 «дредноутами».

Справедливости ради стоит отметить, что американские корабли типа «Южная Каролина» были первыми в мире специально спроектированными линкорами нового типа – документация была утверждена ещё в 1905 году, однако США смогли достроить их только через два года после британцев.

Япония, понявшая важность превосходства на море в русско-японскую войну, активно занялась строительством высокотехнологичных «капитальных кораблей» и к началу Первой мировой, а также в её ходе построила семь линкоров и линейных крейсеров. В ходе Первой мировой войны и спустя незначительное время после её окончания линкоры появились у Испании, Бразилии, Чили, Аргентины, постройку начали или пытались начать Турция, Греция, Голландия.

В преддверие Первой мировой войны гонка военно-морских вооружений между Великобританией и Германией обострилась на новой элементной базе. Уже в 1908 году у британцев было восемь дредноутов, а у немцев – семь, и темп строительства ускорялся. Морское владычество Великобритании оказалось под угрозой, в итоге в 1909 году Лондон принял решение на каждый немецкий корабль строить два своих.

Своё военно-морское могущество британцы пытались сохранить и дипломатическим путём. На Гаагской мирной конференции 1907 года они предложили ограничить масштабы строительства новых военных кораблей. Однако немцы, посчитав, что этот шаг будет выгоден только Британии, отвергли это предложение. К началу войны Германия прочно заняла позиции второй военной морской державы, обогнав Россию и Францию.

При этом крайне интересно появление в преддверие первой мировой асимметричной стратегии военного соперничества. В 1912 году германский канцлер Бетман-Гольвег принял решение отказаться от количественного наращивания морских вооружений. Рост русского могущества на суше заставлял Германию уделять больше внимания наземным войскам, ассигнований на флот не хватало. Берлин предложил Лондону заключить соглашение о признании за Британией первенства на море в обмен на её нейтралитет в возможной войне. Однако проект был отклонён англичанами, более того министр иностранных дел Э. Грэй настоял на более жёсткой позиции в отношении Германии [19, 318-319]. По иронии судьбы, ранее, в 1907 году, Германия отвергла на Гаагской конференции британский вариант договора об ограничении военно-морских вооружений, видимо, надеясь на то, что сможет выдержать «дредноутную гонку».

В итоге, военно-политическое руководство Германии сделало ставку на массовое строительство подводных лодок – дешёвого и эффективного оружия. В период военных действий флот принял 341 субмарину, ещё 138 остались недостроенными. Неограниченная подводная война, объявленная рейхсмарине 1 февраля 1917 года, привела к потере англичанами трети всего торгового тоннажа и нескольких десятков боевых кораблей, однако не смогла поставить Альбион на колени.

Как показал последующий ход войны на море, линейные корабли новых типов были крайне эффективны и в битве с одноклассниками, и для уничтожения более слабого противника, а также для нарушения коммуникаций. Более того, само наличие «дредноутов» в том или ином районе в военное время существенно затрудняло действия противника и вынуждало отвлекать значительные силы для блокирования или уничтожения линкоров. Именно потому даже относительно незначительные в тот момент страны поспешили обзавестись линкорами для повышения собственного престижа в мировом сообществе и достижения преимущества перед региональными соперниками. В ходе Первой мировой войны и спустя некоторое время после её окончания линкоры появились у Испании, Бразилии, Чили, Аргентины, постройку начали или пытались начать Турция, Греция, Голландия.

Таким образом, к началу Первой мировой войны появился новый класс морских вооружений, обладание которым давало решающее превосходство. Изменилась и тактика войны на море – действия линейных сил обеспечивали быстроходные соединения крейсеров с эсминцев, массово начали использоваться подводные лодки, появились авианесущие корабли.

В этой связи напрашивается достаточно явная аналогия с современностью и видом военно-морской техники, обладание которым в настоящее время оценивается как уровень технической развитости, а также способно дать превосходство в конфликте на морских пространствах. Речь идёт о боевых кораблях с многофункциональной системой управления оружием «Иджис» («Эгида»). Первый кораблём с данной системой стал американский крейсер «Тикоденрога», вступивший в строй в 1983 году. Отличительная особенность «Иджис» – принцип интегрированности корабельных средств освещения обстановки и средств огневого по-

ражения, способность взаимодействовать с другими кораблями, самолётами, спутниками. И снова наибольшая эффективность достигается в составе соединений, которые могут формироваться под конкретную боевую задачу – уничтожение надводных целей, противолодочная оборона, противовоздушная и противоракетная оборона, удары по береговым объектам и обеспечение десантной операции.

Сегодня данной системой оснащено более ста кораблей в составе ВМС США, Южной Кореи, Испании, Норвегии, МССО Японии. Планами по развёртыванию данных кораблей обладают Австралия, Тайвань, Канада, Франция, Великобритания. Аналогами «Иджис» располагают Китай и Россия.

Дилемма морской безопасности для Северо-Восточной Азии

Сегодня, как и в преддверие Первой мировой войны, ведущие страны мира пытаются обзавестись наиболее прогрессивными военными технологиями. Именно Восточная Азия постепенно становится регионом наиболее острого «морского противостояния». На то есть географические предпосылки – главные игроки не теснятся на одном континентальном пространстве, а отделены друг от друга морскими просторами, более того основные споры ведутся именно на море, равно как и коммуникации в случае конфликта осуществляются морским путём [25]. И если крупномасштабные военные действия на плотно заселённой суше могут привести к колоссальным людским и материальным потерям, то на океанских пространствах подобные риски слабее, что может понизить порог для принятия политического решения о начале войны.

Более того, именно развитие военно-морской техники и отработка наступательной тактики её применения – один из главных раздражителей региональной обстановки. Если оперировать категорией секьюритизации, предложенной Бузаном и Уэвером [14], именно наращивание ВМС воспринимается большинством стран региона как наиболее явная угроза и индикатор конфликтности.

Акцент именно на военно-морском факторе региональной «гонки вооружений» и реформирования системы безопасности обусловлен тем, что в современном мире прямое вооружённое столкновение ведущих мировых и региональных держав чрезвычайно затруднено. Именно наращивание военно-морских вооружений и отработка наступательной тактики их использования каким-либо государством региона является главным раздражителем всеобщей обстановки. При этом даже формально находящиеся «по одну сторону» Япония и Республика Корея выступают здесь скорее как конкуренты.

В этой связи не утратила своей актуальности концепция «морской мощи», предложенная ещё в конце XIX века американским адмиралом Альфредом Мэханом. На основе идей Мэхана генерал Уинфилд Скотт разработал «План Анаконда», который доказал эффективность в борьбе с конфедератами во время Гражданской войны в США. Согласно воззрениям геополитиков, первый, и самый главный принцип – это экономическая мотивация, то есть военные действия обосновываются непосредственными экономическими интересами страны, а идеология используется только в качестве пропагандистского прикрытия. Основной способ стратегических действий для достижения успеха «анаконды» – это использование экономической блокады. Второй принцип – уклонение от решительных столкновений с главными группировками вооружённых сил противника, так как это экономически нецелесообразно, ведёт к материальным потерям и приносит прямой убыток. По этой же причине при реализации стратегии основная тяжесть борьбы с вооружёнными силами противника по возможности должна быть переложена

на союзников. Третий принцип – достижение победы за счёт разрушения экономики и терроризирования населения государства или коалиции государств противника, и, как следствие, стремление к вытеснению из конкурентной борьбы как противника, так и его союзников [9].

Традиционно главным адептом «стратегии анаконды» были США, но по мере усиления фактора регионализма в глобальном политическом процессе, эта стратегия активно перенимается и другими странами, способными создать эффективный военно-морской флот для защиты собственных коммуникаций и блокирования вражеских [3, с. 34-43]. Характер развития ВМС Китая, МССО Японии свидетельствует о явном намерении, если не использовать «анаконду», то, по крайней мере, противостоять ей.

Если отталкиваться от классической теории «гонки вооружений» Л. Ричардсона, военные приготовления одной стороны прямо пропорциональны военному потенциалу соперника и обратно пропорциональны уже накопленным собственным возможностям. Учитывается сопротивление общественности дополнительным расходам, исторические обиды или недовольство контрагентом, степень опасности друг для друга [32]. Вместе с тем дифференциальные уравнения, разработанные Ричардсоном в ходе Первой мировой войны, не оставляют места для политического выбора – математически существуют либо «гонка вооружений», либо двустороннее разоружение, либо паритет.

В сфере военно-политической безопасности достаточно популярна и концепция «дилеммы узника», пришедшая из теории игр. Повышение обороноспособности одной стороны также автоматически воспринимается соседними государствами как угроза и инициирует их военные приготовления, что выливается в региональную «гонку вооружений» [33, с. 66-103]. Эта модель основывается скорее на бихевиористской традиции и не учитывает объёмы уже накопленных потенциалов и отношения сторон друг к другу. Во многом на её появление повлиял опыт второй мировой войны.

Вместе с тем, единого объяснения, почему какое-либо государство или группа государств принимают решения наращивать вооружения именно в конкретный период, обернётся ли это агрессией с их стороны, есть ли иные пути для снижения конфликтности, кроме ответного наращивания вооружений, в научной традиции не существует до сих пор.

Дж. Фирон считает, что существуют некие «пороговые уровни» количества и качества вооружений, а также величины оборонных расходов, которые государства могут переступить и начать конфликт или остановиться на них для взаимного сдерживания. В любом случае «гонка вооружений» не происходит *per se*, а зависит от политической воли государства, более того совершенно необязательно она приведёт к конфликту. Напротив, вероятен сценарий, когда стороны, дойдя до определённой точки, пересмотрят свои намерения. При этом важную роль имеет обладание определёнными решающими военными технологиями, которые сделают прямое столкновение слишком дорогостоящим и бессмысленным в военном отношении, поэтому политического решения о конфликте не последует, даже несмотря на демонстративную агрессивность того или иного государства [20].

Развитие военно-морских вооружений в Японии

Современные морские силы самообороны (МССО) Японии представляют собой боеспособный флот, обладающий мощным потенциалом для борьбы с морским, воздушным и подводным противником. Теоретики и практики долгое время считали, что силы самообороны Японии

на море способны выполнять лишь противолодочные, противоминные и патрульные задачи для защиты морских торговых путей и исключительной экономической зоны. Вместе с тем современные тенденции развития МССО свидетельствуют о комплексном развитии с использованием новой элементной базы и упором на нехарактерные ранее типы кораблей и вооружений в рамках обновлённых стратегических установок. Существенное внимание уделяется противовоздушной и противоракетной обороне баз, важных военных и гражданских объектов, защите торгового судоходства в наименее защищённых районах, охране боевых морских соединений и береговых объектов, а также несению службы в отдалённых районах для проведения в жизнь концепции активной обороны.

Принятый в 1999 г. закон «О мерах по обеспечению мира и национальной безопасности в условиях чрезвычайной обстановки вокруг Японии» расширил функции ВС Японии [30]. Токио впервые за послевоенный период продемонстрировал готовность к участию в совместных с Вашингтоном военных операциях за пределами национальной территории. Япония взяла на себя обязательства по оказанию тыловой поддержки американским войскам, включая решение задач по обеспечению безопасности мореплавания, передаче разведывательной информации, предоставлению военных и гражданских объектов инфраструктуры, проведению совместных и самостоятельных поисково-спасательных и минно-тральных операций в тыловых районах, эвакуации гражданских лиц из зон международных конфликтов и оказанию помощи беженцам.

Наиболее современными и мощными боевыми кораблями японского флота являются эсминцы типов «Конго» и «Атаго» с многофункциональной системой управления оружием «Иджис» [21]. Особый интерес представляет размещение на платформе данных кораблей элементов системы противоракетной обороны. Согласно плану Токио, после 2015 года эсминцы получают на вооружение противоракеты «Стандарт-3мод2а», способные перехватывать стратегические баллистические цели на дальности около 1 000 км и высотах до 500 км на активном и среднем участках траектории [12, с. 84-89].

Согласно японской Конституции, страна не может иметь наступательных систем вооружений, но, учитывая усиливающееся движение за отмену «антивоенной» девятой статьи и проведение военной реформы, можно ожидать, что на «Атаго» и «Конго» могут появиться и крылатые ракеты (аналоги американских «Томагавков») – технических препятствий для этого нет. С подобным ударным оружием корабли, хорошо защищённые от воздушного, надводного и подводного нападения, в условиях наличия у Японии спутниковой группировки будут чрезвычайно опасны для крупных надводных соединений, военных баз и наземных объектов стран региона.

Неожиданностью для мировой общественности стало появление в составе флота первого эсминца-вертолётносца типа «Хюга». Новый корабль фактически представляет собой лёгкий авианосец или десантно-вертолётноносный корабль, теоретически способный нести и самолёты F-35. Активно ведутся работы по созданию усовершенствованного корабля проекта 22DDH, головной спущен на воду и получил названия «Идзумо». Японское правительство до сих пор относит данные, самые крупные в составе флота со времени Второй мировой войны, корабли к «эсминцам, способным нести вертолёт», настаивая на том, что они могут использоваться исключительно в оборонительных целях [5].

Япония также активно строит современные эсминцы меньшего размера для задач противовоздушной и противолодочной обороны; высокотехнологичные подводные лодки; располагает десантными кораблями.

В случае наращивания агрессивности в военной политике Японии вкуче с частичным пересмотром положений Конституции надводный компонент может представлять собой несколько групп в составе лёгкого авианосца и/или десантного корабля, эсминцев поддержки, которые могут нанести удар по береговым объектам крылатыми ракетами и авиацией, в том числе для подготовки высадки десанта. В целом к 2012 году предусматривалось сформировать четыре, а после 2015 года – восемь тактических корабельных групп. Соединения будут отличаться мощной противовоздушной и противолодочной обороной, а также иметь противоракетные возможности. Современные подводные лодки способны скрытно действовать против надводных кораблей и субмарин всех классов. Подразделения морской пехоты смогут высаживаться на необорудованное побережье и удерживать его до подхода главных сил.

Согласно замыслу командования морских сил самообороны Японии, это позволит существенно повысить уровень оперативного взаимодействия с ВМС США, расширить рамки участия в совместном патрулировании в интересах ПРО, прежде всего в Японском и Жёлтом морях, для решения задач заблаговременного обнаружения и перехвата крылатых и баллистических ракет противника [12, с. 84-89].

МССО Японии обладают боевым потенциалом, превосходящим северокорейский в несколько раз, потому сложно оправдать наличие столь мощного флота только угрозой со стороны КНДР. С учётом эскалации напряжённости вокруг Южно-Курильских островов военно-морское строительство Японии может оцениваться как угроза для Тихоокеанского флота России. При сохранении нынешних тенденций (устаревание боевых единиц и систем вооружения, потеря квалификации командного состава, недостаточное снабжение, слабая подготовка военнослужащих) в случае вооружённого конфликта ТОФ может столкнуться с технически более оснащённым и гораздо более многочисленным противником, противопоставить которому можно будет только ядерное оружие [22].

По-новому заставляет взглянуть на модернизацию японского флота и вновь вспыхнувший конфликт вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао. В зоне Сенкаку японцы смогут развернуть, по крайней мере, четыре эсминца с системой «Иджис» с баз Йокосука, Сасебо, Куре, полтора десятка меньших эсминцев и фрегатов, несколько современных подводных лодок. С учётом близости «непотопляемого авианосца» в виде Окинавы это может существенно ограничить действия ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Восточно-Китайском море [4]. Более того, сегодня Япония полностью взяла под свой контроль пролив Мияко между японскими островами Мияко и Окинава, через который китайские корабли обычно проходили в западную часть Тихого океана. Пролив шириной 250 км теперь полностью простреливается японскими противокорабельными комплексами, размещёнными на берегах по обе его стороны [24].

Министерство обороны Японии также изучает вопрос о разработке собственных баллистических ракет дальностью до 500 км. Подобное оружие, в случае принятия решения о его создании, может быть размещено на о. Окинава для сдерживания действия КНР в районе о-вов Сенкаку. [7, с. 89].

По всей видимости, от имеющей явно националистский настрой администрации Синдзо Абэ можно ожидать действий по демонстрации военно-морской мощи для позиционирования Японии в качестве регионального лидера, что чревато новым витком региональной гонки вооружений. Совершенствование потенциала МССО Японии также может быть объяснено ситуацией неопределённости относительно гарантий Вашингтона по поддержке Токио в случае ограниченного локального конфликта, потому стране требуется потенциал, блокирующий действия

любого вероятного противника вблизи национальной территории. Вместе с тем, опыт захвата германской колонии Циндао в ходе первой мировой войны и последующее укрепление в Квантуне позволяют говорить о наличии традиций использования сильного флота для достижения японцами политических и экономических целей.

Выход Китая в «открытое море»

На протяжении современной истории Китай традиционно полагался на сухопутную мощь, его ВМС обычно были весьма ограниченными и ориентированы на действия вблизи своих берегов. Под влиянием масштабных экономических реформ и необходимости защиты национальных интересов с конца 80-х годов XX в. КНР пытается создать свой «флот открытого моря» – военно-морские силы, способные действовать на океанских просторах. Пекин делает ставку на асимметричную стратегию ограничения доступа к определённым территориям (*anti-access/area denial*) при совершенствовании потенциала ВМС НОАК: разрабатываются противокорабельные баллистические ракеты, многоцелевые субмарины, многофункциональные системы боевого управления на принципе C4ISR¹, крылатые ракеты воздушного, морского и берегового базирования, корабельные средства ПВО и ПРО. Модернизация флота обусловлена главным образом стремлением достичь решающего перевеса в зоне Тайваньского пролива в случае эскалации конфликта. Вместе с тем, по мере снижения агрессивности в отношениях между материком и островом, а также смещения акцентов в тихоокеанской стратегии Вашингтона, в военно-морской деятельности Пекина появляются иные приоритеты [7, p. 8].

По данным Министерства обороны США, для Китая факторами, определяющими направленность развития флота, стали следующие:

1. Территориальные притязания в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и возможные конфликты с конкурирующими государствами [28];

2. Недопущение иностранной военной активности в пределах китайской 200-мильной зоны [29];

3. Защита путей экспорта энергоресурсов из бассейна Персидского залива;

4. Возможная защита интересов и в случае необходимости эвакуация китайских граждан за рубежом;

5. Снижение американского влияния на Тихом океане.

В условиях углубления мирового кризиса именно военный флот становится особенно важным с точки зрения обеспечения не только военной, но и экономической безопасности, как то защиты коммерческого судоходства в китайских интересах в любой точке мирового океана, а также охраны зон рыбной ловли и добычи природных ресурсов. В этой связи особой значение имеет тезис о соответствии потенциала военно-морского флота совокупной мощи Китая в целях повышения международного авторитета [10].

Для целей сдерживания Китай уделяет повышенное внимание морскому компоненту ядерной триады, так как именно ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) на подводных лодках – наиболее эффективны сегодня для нанесения неприемлемого ущерба США, наземные межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) малочисленны. К 2020 году число атомных

¹ C4ISR – Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance

лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) в составе ВМС НОАК, по американским данным, может быть увеличено с двух до восьми [36].

В числе наиболее боеспособных и современных кораблей – эскадренные миноносцы УРО типа 052С (или «Лоян-2»). Данные эсминцы оснащены интегрированной электронной системой обнаружения и управления оружием по образцу американской системы «Иджис». Третий корабль в настоящее время строится по усовершенствованному проекту 052D с усиленными возможностями ПВО и ПРО, а также унифицированными ракетными установками, позволяющими загружать и крылатые ракеты «корабль-берег». Новый эсминец «проект 55», планируемый к постройке к 2020 году, будет ещё более совершенным с технической точки зрения [27].

Строятся многоцелевые атомные подводные лодки, которыми в регионе располагают только США и Россия. Поступают на вооружение дизельные подводные лодки как российского образца, так и национальной разработки на основе нашего опыта, с высокими характеристиками скрытности. Пекин уделяет значительное внимание развитию амфибийных сил – больших десантных кораблей типа «Юйчжао» в ВМС НОАК уже три, четвёртый вступит в строй в 2015 г. [23, p. 166-167]. В июне 2013 года на Украине были закуплены и четыре больших десантных катера на воздушной подушке [15]. А через пять лет войдёт в состав китайского флота первый универсальный десантный корабль, их потребность оценивается в 4 единицы [31].

Китай должен был начать постройку собственного авианосца уже в 2009 году, но достоверных сведений, подтверждающих начало работ, не имеется до сих пор [16]. По некоторым данным, военное командование страны при формировании концепции авианосных соединений остановило свой выбор на строительстве двух кораблей водоизмещением до 65 тыс. тонн, на которых смогут разместиться по 50 летательных аппаратов. Вступление в строй возможно к 2020 году, силовая установка при этом может быть атомной, а сам корабль будет напоминать недостроенный советский «Ульяновск» и оснащаться электромагнитными катапультами. По некоторым данным, строительство второго авианосца завершится к 2020 году, а всего запланирован ввод в состав флота четырёх таких кораблей [8]. Первый корабль «Ляонин» – бывший советский «Варяг» – проходит цикл ходовых испытаний, используется для подготовки летчиков и отработки взаимодействия сил флота и ВВС в рамках авианосной группировки [18].

Деятельность китайского флота объективно будет захватывать в сферу своего военного доминирования американских союзников, а затем, возможно, и российский Дальний Восток. На первом этапе Китай планирует обрести военно-морское господство в «ближней зоне» – Жёлтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях (на острове Хайнань строится база подводных лодок КНР). На втором этапе (к 2020 году) предполагается получить возможность активного противодействия военно-морским силам США в «средней зоне» – Охотском, Японском морях и на пространствах до Марианских и Каролинских островов. На третьем этапе (после 2020 года) Китай намерен получить возможность противостоять флоту США в «дальней зоне» – до Гавайских островов [1].

Современное развитие ВМС НОАК укладывается в рамки доктрины создания флота для действий в ближней океанической зоне. Можно утверждать, что задачи противодействия силам ВМС США пока носят второстепенный характер, делается акцент на сдерживание региональных конкурентов и постепенный выход в открытые воды. Рост технического уровня и численности состава флота пока не даёт Китаю решающего морского превосходства в регионе, однако неизменно представляет

угрозу для ключевых государств АТР, включая Российскую Федерацию [2, с. 50-51].

Прямой аналогии между британо-германским противостоянием на море и американо-китайскому соперничеству сегодня нет – Пекин, хотя и имеет масштабные кораблестроительные программы, они продиктованы скорее интересами обеспечения экономического развития, нежели стремлением разгромить врага в морской баталии. Форсированность наращивания обусловлена необходимостью перевооружения на более технологически совершенные образцы. Вместе с тем, опираясь на программные документы и тенденции развития техники, можно отметить, что через 20 лет Китай будет обладать и количественно, и качественно совсем другим флотом, способным держать корабли любой державы в значительном отдалении от собственных берегов и основных коммуникаций.

Республика Корея – новый участник морского противостояния

На этапе становления ВМС Республики Корея получали устаревшие американские корабли и подводные лодки, но со второй половины 80-х годов XX в. Сеул взял курс на повышение боевых возможностей флота. Перед военно-морскими силами Республики Корея в настоящее время стоят следующие задачи:

- защита морских коммуникаций в операционной зоне флота;
 - оборона портов и военно-морских баз;
 - противодесантная оборона побережья совместно с сухопутными войсками и ВВС;
 - оказание помощи армии на приморских направлениях;
 - проведение десантных и разведывательно-диверсионных операций;
 - нарушение морских коммуникаций противника;
 - участие в блокаде Корейского пролива совместно с флотами Японии и США;
 - патрулирование территориальных вод и экономической зоны
- [11, с. 51-64].

В декабре 2008 г. вошёл в состав флота первый эсминец с системой «Иджис» – «Король Сэджон Великий». Планируется до 2012 г. иметь три корабля, а до 2020 г. – шесть. Эти корабли могут нести крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) «Хёнму» с дальностью до 1 500 км. [12, с. 84-89]. Примечательно, что КРМБ в регионе ранее обладали только ВМС США и России, такое оружие наделяет корейский флот совершенно новыми боевыми возможностями нанесения ударов по береговым объектам и целям в глубине территории вероятного противника.

Военные специалисты также отмечают, что в ВМС страны разработана собственная программа ПРО морского базирования. На первом её этапе предусматривается развёртывание трёх эсминцев «Король Сэджон Великий» к 2012 г. В 2019 г. будет начата серия из шести меньших кораблей KDDX с новейшими электронными системами, усовершенствованными зенитными ракетами, способными перехватывать баллистические ракеты и боеголовки на конечном участке траектории. Данные корабли войдут в строй к 2026 г. [26].

РК строит и современные подводные лодки, при этом перспективные образцы планируется также вооружить крылатыми ракетами. Военные специалисты не исключают, что Сеул может решиться на постройку или приобретение в лизинг многоцелевых атомных подводных лодок [34]. Такие субмарины сами по себе не запрещены существующими договорённостями для неядерных государств, но пока никто кроме «ядерной

пятёрки» и неофициально ядерной Индии ими не обладает, и Республика Корея может стать первой неядерной державой с таким оружием.

В рамках оперативной и боевой подготовки в корейском флоте серьёзное внимание уделяется вопросам взаимодействия с другими видами вооружённых сил, американскими войсками и кораблями. Программа модернизации ВМС осуществляется в три этапа (2005 – 2009, 2010 – 2014, 2015 – 2019 гг.), в ходе которых планируется повысить боевые возможности национальных ВМС и превратить их в современные, компактные, мобильные, эффективные и гибкие силы. В период с 2020 по 2025 г. ожидается появление принципиально новых кораблей и подводных лодок – прежде всего авианосца и эсминцев новых типов [12, с. 84-89]. Основная цель программы – создание таких сил, которые при серьёзном сокращении численности личного состава и общего количества боевых кораблей будут располагать расширенными возможностями по выполнению боевых задач. Приоритетные задачи – использование флота в дальних морских операциях, а также обеспечение адекватных ответных действий на удар со стороны вероятного противника [35].

Можно утверждать, что к 2014 г. флот Южной Кореи находится в числе главных региональных ВМС. По своим боевым возможностям он приблизился к японскому. Бесспорно, такие силы, какими он уже обладает, избыточны для противостояния КНДР – налицо соперничество с Токио и Пекином, а также стремление Сеула снизить зависимость от 7-го флота США. Отличительная особенность корейского флота – начало развёртывания крылатых ракет для ударов по наземным целям (объекты ПВО, аэродромы, базы, штабы и т.д.). Такие ракеты считаются наступательным видом оружия. Флоты Японии и КНР таким оружием пока не обладают. Развитие Республикой Корея амфибийных сил также не может считаться оборонительной мерой.

Технологически ВМС КНР уступают ВМС РК, но это сводится на нет наличием атомных лодок и ядерного оружия, а также гораздо большей численностью. Вместе с тем наиболее боеспособная группировка создаётся Китаем на южном рубеже, что говорит о намерении оспорить американскую гегемонию в регионе и защитить собственные морские коммуникации. Явных намерений Китая по достижению превосходства над Республикой Корея в военно-морском отношении не наблюдается – усиление Северного флота представляет собой необходимый противовес ВМС как РК, так Японии и России.

Можно предположить, что соперничество Республики Корея с Японией в военной области выражено значительнее, чем соперничество с КНР, что свидетельствует и о характере взаимоотношений между странами. Япония, будучи формальным союзником, воспринимается в Южной Корее с большей настороженностью и опаской, нежели Китай. Япония претендует на региональное лидерство, тогда как Китай скорее уже ориентирован на соперничество в глобальном масштабе. Это соответствует концепции «баланса угроз», предложенной ещё в конце 80-х годов XX века американским политологом Стивенем Волтом, согласно которой государства скорее склонны реагировать на угрозы со стороны своих соседей, нежели на глобальные изменения [37].

* * *

В целом, очевидно, что три ключевые региональные державы Восточной Азии активно осуществляют масштабные программы военно-морского строительства. На вооружение принимаются передовые боевые системы, отрабатывается тактика их применения, проводятся учения и боевая подготовка. Это может свидетельствовать о том, что и КНР, и Япо-

ния, и Республика Корея уже в среднесрочной перспективе (до 2020 г.) готовятся как к самостоятельному применению концепции «морской мощи» для защиты национальных интересов и расширения «жизненного пространства», так и к противодействию стратегии «анаконды», от кого бы она ни исходила.

Военно-морская деятельность некоторых государств Юго-Восточной Азии также может оказать негативное дестабилизирующее влияние на общерегиональную обстановку. К примеру, Вьетнам уделяет значительное внимание подводному флоту, закупая в России современные лодки с широкой номенклатурой вооружений, включая сверхзвуковые ПКР. Австралия, являясь союзником США, намерена ввести уже в ближайшее время в состав флота ЭМ с МСУО «Иджис» типа «Хобарт», способные нести как противоракеты, так и крылатые ракеты.

Индия, являясь частью Индо-Тихоокеанского макрорегиона, вероятно, будет более активно участвовать в политических и экономических процессах в Восточной Азии. Наибольшую тревогу у региональных государств, прежде всего Китая, вызывает создание атомной подводной лодки «Арихант» с баллистическими ракетами подводного старта дальностью до 700 км; передача Россией в аренду многоцелевой АПЛ «Нерпа» («Чакра», как она называется, вступив в состав ВМС Индии), а также достройка в РФ авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» («Викрамадитья»). Индийский флот также осуществляет масштабную программу строительства надводных кораблей и подводных лодок, используя передовой российский и европейский опыт.

Значительные вопросы вызывает стратегия развития Тихоокеанского флота России. Фактически единственным эффективным инструментом защиты собственных интересов в районе Дальнего Востока является ядерное оружие. Флот способен решать задачи в прибрежной зоне, а также выполнять антипиратские миссии. В планах Москвы перевооружение ТОФ, без которого России трудно будет претендовать на значительную роль в формировании новой системы безопасности в Восточной Азии. Вместе с тем, вьетнамский и индийский примеры доказывают использование Россией асимметричной стратегии сдерживания Китая через передачу его конкурентам передовых технологий, что, бесспорно, не слишком хорошо воспринимается в Пекине.

За рамками настоящего повествования намеренно оставлен важнейший внерегиональный географически, но непосредственный участник всех восточноазиатских процессов – Соединённые Штаты, поведение которых пока фактически определяет все процессы. Однако, исходя из рассмотренного выше повышения роста самостоятельности на море ведущих игроков, можно предсказать, что мы вполне можем стать очевидцами завершения цикла морского господства США в АТР.

Литература

1. Арбатов А. Азиатско-тихоокеанская стратегическая панорама стремительно меняется. // Независимое военное обозрение. 21 февраля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/1_asia.html, (дата обращения: 10.03.2014 г.)

2. Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР: Центр анализа стратегий и технологий, Российский институт стратегических исследований. М.: 2013. 272 с.
3. Губин А.В. Военно-морской фактор национальной безопасности Северо-Восточной Азии. // Ойкумена: регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 34-43.
4. Губин А.В., Лукин А.Л. Грянет ли буря в Восточно-Китайском море? // «Мир и Политика». The Scientist. 2013. № 11 (84). С. 88-101.
5. «Идзумо» – эсминец, способный нести вертолеты. «Военный паритет». 2014. 14 января. [Электронный ресурс]. URL: http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/5224/, (дата обращения: 22.03.2014 г.)
6. История дипломатии: сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2009. 943 с.
7. Зарубежное военное обозрение. 2013. № 8. С. 89.
8. Китай начал строительство второго авианосца. // «Российская газета». 21 января 2014 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/21/kitay-site-anons.html>, (дата обращения: 30.01.2014 г.)
9. Коровин В. Схватка с Анакондой». [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/article.php?id=5811>, (дата обращения: 20.01.2014 г.)
10. Мануков С. Стремление к господству. // «Эксперт». 23 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2014/01/23/stremlenie-k-gospodstvu/>, (дата обращения: 15.04.2014 г.)
11. Сидоров П. Современное состояние и перспективы развития ВМС Республики Корея // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 7. С. 51-64.
12. Ткачев В. Строительство эскадренных миноносцев в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 3. С. 84-89.
13. Andriessen J.H.J., De Andere Waarheid: over Het Ontstaan Van De Eerste Wereldoorlog, 1999, p. 298.
14. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge. Cambridge University Press, 2003. 588 p.
15. Chan, Minnie. Experts dismiss PLA Navy's landing craft from Ukraine as giant toys. // South China Morning Post, June 25, 2013.
16. China at Early stage of Aircraft Carrier Production. Kanwa Daily News. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kanwa.com/dnws/showpl.php?id=233> (дата обращения: 20.01.2014 г.)
17. China Naval Modernization: Implications for US Navy Capabilities / by Ronald O'Pourke. September 30, 2013. Congressional Research Service Report RL33153. 119 p.
18. China plans new generation carriers as sea disputes grow // Bloomberg News, April 24, 2013.
19. Clark, Christopher. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914, 2012. P. 148-149, 318-319.
20. Fearon, James D. Arming and Arms Race. Stanford University. March 24, 2011.
21. Global Security. Atago class [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/7700ton.htm>, (дата обращения: 22.11.2013 г.)
22. Gubin A. Naval Build-up to cure the crisis: Japan. URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=1280#top, (дата обращения: 01.05.2014 г.)
23. Jane's Fighting Ships 2012-2013. / edited by Stephen Saunders. – Jane's Information Group. August 2012. – 1026 pp.
24. Japan deploys missiles on strategic strait. // Global Times. Nov.7, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/823106.shtml#UxQ4PVdVvK0>, (дата обращения: 11.03.2014 г.)
25. Kaplan, Robert D. The South China Sea is the Future of Conflict // Foreign Policy. September-October 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www>.

foreignpolicy.com/ articles/ 2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict, (дата обращения: 30.11.2013 г.)

26. Korea to Boost Naval Capacity Amidst the Regional Arms Race // The Chosun Ilbo. October 19, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2012/10/19/2012101901215.html, (дата обращения: 19.01.2014 г.)

27. Luyang-class multirole destroyer. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/luyang.htm>, (дата обращения: 22.11.2013 г.)

28. Maritime Territorial Disputes in East Asia. / by Ben Dolven, Shirley A. Kan, Mark E. Manyin. Congressional Research Service Report R42930.

29. Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China / by Ronald O'Rourke. Congressional Research Service Report R42784

30. Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2001/chap2-1-a.html>, (дата обращения: 10.10.2013 г.)

31. Parsons, Ted. Chinese shipbuilder unveils possible Type 081 design // Jane's Defence Weekly, March 28, 2012.

32. Richardson, Lewis F. Mathematical Psychology of War. Oxford: William Hunt. 1919

33. Snyder, Glenn H. 'Prisoner's Dilemma and 'Chicken' Models in International Politics. International Studies Quarterly 15 (1). pp. 66-103.

34. South Korea Develops Mobile Forces. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.defensenews.com/story.php?i=4070495>, (дата обращения: 03.05.2014 г.)

35. South Korea envisions light aircraft-carrier. // Defence News. October 26, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.defensenews.com/article/20131026/DEFREG03/310260005/S-Korea-Envisions-Light-Aircraft-Carrier>, (дата обращения: 22.04.2014 г.)

36. Type 094 Jin-class. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/type_94.htm, (дата обращения: 01.12.2013 г.)

37. Walt, S.M. The Origins of Alliances. Cornell University, Cornell Series in Security Affairs, 1990. 336 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arbatov A. Aziatsko-tikhookeanskaya strategicheskaya panorama stremitel'no menyaetsya. // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 21 fevralya 2014 g. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/1_asia.html, (data obrashheniya: 10.03.2014 g.)

2. Barabanov M.S., Kashin V.B., Makienko K.V. Oboronnaya promyshlennost' i trgovlya voozuzheniyami KNR: TSentr analiza strategij i tekhnologij, Rossijskij institut strategicheskikh issledovanij. M.: 2013. 272 s.

3. Gubin A.V. Voennno-morskoj faktor natsional'noj bezopasnosti Severo-Vostochnoj Azii. // Ojkumena: regionovedcheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 34-43.

4. Gubin A.V., Lukin A.L. Gryanet li burya v Vostochno-Kitajskom more? // «Mir i Politika». The Scientist. 2013. № 11 (84). S. 88-101.

5. «Idzumo» – ehsminec, sposobnyj nesti vertolety. «Voennyj paritet». 2014. 14 yanvarya. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/5224/, (data obrashheniya: 22.03.2014 g.)

6. Istoriya diplomatii: sost. A. Laktionov. M.: AST, 2009. 943 s.

7. Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2013. № 8. S. 89.

8. Kitaj nachal stroitel'stvo vtorogo avianostsa. // «Rossijskaya gazeta». 21 yanvarya 2014 goda. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/21/kitaj-site-anons.html>, (data obrashheniya: 30.01.2014 g.)

9. Korovin V. Skhvatka s Anakondoju». [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://politcom.ru/article.php?id=5811>, (data obrashheniya: 20.01.2014 g.)
10. Manukov S. Stremlenie k gospodstvu. // «EHkspert». 23 yanvarya 2014 g. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://expert.ru/2014/01/23/stremlenie-k-gospodstvu/>, (data obrashheniya: 15.04.2014 g.)
11. Sidorov P. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya VMS Respubliki Koreya // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2008. № 7. S. 51-64.
12. Tkachev V. Stroitel'stvo ehskadrennykh minonostsev v gosudarstvakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2012. № 3. S. 84-89.
13. Andriessen J.H.J., De Andere Waarheid: over Het Ontstaan Van De Eerste Wereldoorlog, 1999, p. 298.
14. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge. Cambridge University Press, 2003. 588 p.
15. Chan, Minnie. Experts dismiss PLA Navy's landing craft from Ukraine as giant toys. // South China Morning Post, June 25, 2013.
16. China at Early stage of Aircraft Carrier Production. Kanwa Daily News. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kanwa.com/dnws/showpl.php?id=233> (data obrashheniya: 20.01.2014 g.)
17. China Naval Modernization: Implications for US Navy Capabilities / by Ronald O'Pourke. September 30, 2013. Congressional Research Service Report RL33153. 119 p.
18. China plans new generation carriers as sea disputes grow // Bloomberg News, April 24, 2013.
19. Clark, Christopher. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914, 2012. P. 148-149, 318-319.
20. Fearon, James D. Arming and Arms Race. Stanford University. March 24, 2011.
21. Global Security. Atago class [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/7700ton.htm>, (data obrashheniya: 22.11.2013 g.)
22. Gubin A. Naval Build-up to cure the crisis: Japan. URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=1280#top, (data obrashheniya: 01.05.2014 g.)
23. Jane's Fighting Ships 2012-2013. / edited by Stephen Saunders. – Jane's Information Group. August 2012. – 1026 pp.
24. Japan deploys missiles on strategic strait. // Global Times. Nov.7, 2013. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/823106.shtml#UxQ4PVdlvK0>, (data obrashheniya: 11.03.2014 g.)
25. Kaplan, Robert D. The South China Sea is the Future of Conflict // Foreign Policy. September-October 2011. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict, (data obrashheniya: 30.11.2013 g.)
26. Korea to Boost Naval Capacity Amidst the Regional Arms Race // The Chosun Ilbo. October 19, 2012. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2012/10/19/2012101901215.html, (data obrashheniya: 19.01.2014 g.)
27. Luyang-class multirole destroyer. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/luyang.htm>, (data obrashheniya: 22.11.2013 g.)
28. Maritime Territorial Disputes in East Asia. / by Ben Dolven, Shirley A. Kan, Mark E. Manyin. Congressional Research Service Report R42930.
29. Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China / by Ronald O'Rourke. Congressional Research Service Report R42784
30. Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2001/chap2-1-a.html>, (data obrashheniya: 10.10.2013 g.)
31. Parsons, Ted. Chinese shipbuilder unveils possible Type 081 design // Jane's Defence Weekly, March 28, 2012.

32. Richardson, Lewis F. *Mathematical Psychology of War*. Oxford: William Hunt. 1919

33. Snyder, Glenn H. 'Prisoner's Dilemma and 'Chicken' Models in International Politics. *International Studies Quarterly* 15 (1). pp. 66-103.

34. South Korea Develops Mobile Forces. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.defensenews.com/story.php?i=4070495>, (data obrashheniya: 03.05.2014 g.)

35. South Korea envisions light aircraft-carrier. // *Defence News*. October 26, 2013. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.defensenews.com/article/20131026/DEFREG03/310260005/S-Korea-Envisions-Light-Aircraft-Carrier>, (data obrashheniya: 22.04.2014 g.)

36. Type 094 Jin-class. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/type_94.htm, (data obrashheniya: 01.12.2013 g.)

37. Walt, S.M. *The Origins of Alliances*. Cornell University, Cornell Series in Security Affairs, 1990. 336 p.